

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1496–1512, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1496-1512
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 341(212); 94(517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1496-1512

Международно-правовое положение Внутренней Монголии на рубеже XIX–XX вв. глазами ее правителя (записка хорчинского князя Удая, 1910 г.)

Роман Юлианович Почекаев¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (17, ул. Промышленная ул., 198099 Санкт-Петербург, Российская Федерация) кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

© КалМНЦ РАН, 2020

© Почекаев Р. Ю., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье приводится русский перевод и историко-правовой анализ записки князя Удая — правителя хорчинского хошуна во Внутренней Монголии конца XIX – первой четверти XX в., которую он направил в 1910 г. председателю Совета министров Российской империи П. А. Столыпину. Эта записка представляет часть дела, хранящегося в Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. Санкт-Петербург), в котором содержится как ее оригинальный текст, так и русский перевод. Текст записки до сих пор не публиковался и не исследовался. *Цель* исследования — извлечение из записки князя Удая информации о международно-правовом положении Внутренней Монголии и выяснение, насколько полно и объективно монгольский правитель представлял себе особенности международно-правового положения региона, роль в международной политике различных иностранных держав и самих монгольских князей. *Результаты* исследования подтверждают ценность сведений, приведенных в записке, хотя ее автор и интерпретирует ситуацию, стремясь подчеркнуть свою значимость в глазах российских властей. В сочетании со сведениями других современников — российских и западных дипломатов, разведчиков, миссионеров, торговцев и ученых — его информация позволяет сформировать целостное и объективное представление о положении Внутренней Монголии на международной арене на рубеже XIX–XX вв. Наибольший интерес представляет динамика отношений правителей Внутренней Монголии с властями империи Цин, которая как раз в начале XX в. начала форсированную колонизацию монгольских земель, выразившуюся в массовом переселении на эти земли китайских колонистов-земледельцев, связанные с этим изменения в политике маньчжурской администрации и монгольских феодалов с региональными властями Российской империи и ее торговцами, действовавшими на территории Монголии, а также усиление влияния Японии в регионе.

Ключевые слова: Внутренняя Монголия, империя Цин, Российская империя, восстание ихэтуаней, русско-японская война, международное положение в Восточной Азии на рубеже XIX–XX вв.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Международно-правовое положение Внутренней Монголии на рубеже XIX–XX вв. глазами ее правителя (записка хорчинского князя Удаю, 1910 г.) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 6. С. 1496–1512. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1496-1512

UDC 341(212); 94(517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1496-1512

International Legal Status of Inner Mongolia at the Turn of the 20th Century: An Opinion of Its Ruler (Report by Khorchin Prince Uday, 1910)

Roman Yu. Pochekaev¹

¹ National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya St., St. Petersburg 198099, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Professor, Head of Department

 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Pochekaev R. Yu., 2020

Abstract. Introduction. The article publishes and provides a historical legal analysis of one letter by Prince Uday, ruler of Khorchin Khoshun (Horqin Banner) in Inner Mongolia at the end of 19th – first quarter of 20th century, who sent it to Pyotr Stolypin, the Prime-Minister of the Russian Empire, in 1910. This letter is a part of a file kept in the Russian State Historical Archive (St. Petersburg, Russia) in original Mongolian as well as in its Russian translation. As is known, the document was not published before. **Goals.** The aim of research is to extract from the Uday's note — the information on the international legal status of Inner Mongolia which is given from the local ruler's point of view. **Results.** The results of the research confirm the value of the note as a source, although its author attempted to emphasize his own significance in the eyes of the Russian authorities. Coupled with materials of other contemporaries (Russian and Western diplomats, intelligence officers, missionaries, merchants and scientists) it allows to give an authentic view on the status of Inner Mongolia at the international scene at the edge of 19th – 20th centuries. The utmost interest should be paid to the dynamics of relations of rulers of Inner Mongolia with the Qing imperial authorities that initiated a forced colonization of Mongolian lands through resettlement of Chinese peasant colonists, changes in relations of Manchu administration and Mongol feudal lords with Russian regional authorities and merchants, as well as strengthening of the Japanese influence in the region.

Keywords: Inner Mongolia, Qing Empire, Russian Empire, the Boxer rebellion, Russo-Japanese War, international situation in East Asia at the turn of the 20th century

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation (project no. 19-18-00162) at the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

For citation: Pochekaev R. Yu. International Legal Status of Inner Mongolia at the Turn of the 20th Century: An Opinion of Its Ruler (Report by Khorchin Prince Uday, 1910). *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1496–1512. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1496-1512

Введение

В Российском государственном историческом архиве, в фонде 1276 «Совет министров» (опись 3) хранится дело № 712 «По

вопросу о выдаче ссуды монгольскому князю Удаю» (30 мая 1907 – 17 мая 1910 гг.), насчитывающее 82 пронумерованных листа. В рамках настоящего исследования

наше внимание привлек один из документов данного дела — записка самого князя Удая, направленная в 1910 г. на имя председателя Совета министров Российской империи П. А. Столыпина [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712].

Прежде всего, заслуживает внимания личность самого автора записки. Имя князя Удая хорошо известно специалистам, исследовавшим различные аспекты истории Монголии конца XIX – начала XX в. и особенно события борьбы за независимость в 1910-х гг. [Златкин 1957; Белов 1999; Кузьмин, Батсайхан 2019; Tsai 1983]. Правда, лишь две работы посвящены непосредственно деятельности Удая — и то преимущественно в период начального этапа борьбы Монголии за независимость, т. е. 1911–1912 гг. [Белов 1996; Кузьмин, Батсайхан 2019]. В связи с этим считаем необходимым привести краткую биографическую справку об этом деятеле.

Удай являлся потомственным владельцем князем (дзасаком) южного хошуна хорчинов правового крыла Чжеримского сейма, возводившим свое происхождение к Хасару (Джучи-Хасар, Хабуту-Хасар), брату Чингис-хана. Он родился в 1859 г. и, вероятно, на рубеже 1880–1890-х гг. возглавил хошун, приняв титул Дзасагту-вана, а позднее также стал заместителем председателя Чжеримского сейма. После падения династии Цин он выступал в пользу независимости Монголии и в августе 1912 г. поднял восстание, объявив о независимости своих владений от власти Китая¹, однако, располагая небольшими и слабо вооруженными силами и не получив содействия от российской администрации на Дальнем Востоке, уже в сентябре он был разгромлен, его ставка была разорена, семья попала

¹ Примечательно, что при этом он юридически обосновал свои действия, ссылаясь на указ маньчжурского императора Абахая, еще в 1636 г. выданного его предку Будаши (первому Дзасагту-вану Хорчинского хошуна), провозглашавший, что «если сменится» династия Цин, монголы должны вновь стать независимыми. Текст этого указа был доведен до российских властей, благодаря чему сохранился в переводе, тогда как оригинал, вероятно, погиб при разорении ставки Удая после разгрома восстания [Полумордвинов 1912: I–IV; Кузьмин, Батсайхан 2019: 204, 209–210].

в плен, а сам он вместе с братом Ширэтуламой Бухубуяном бежал в Ургу, столицу Автономной Монголии [Белов 1996: 41–43; Кузьмин 2016: 125–126]. Монгольский монарх Богдо-хан, признавая заслуги Удая, пожаловал ему потомственный титул чин-вана, земельные владения в Халхе и назначил заместителем министра юстиции. В этом ранге он вошел в состав монгольского посольства во главе с премьер-министром Сайн-нойон-ханом Намнансурэном, направленного в конце 1913 – начале 1914 г. в Санкт-Петербург для ведения переговоров с российскими властями о признании независимого статуса Монголии и возможности включения в ее состав Внутренней Монголии [Батсайхан 2018: 202, 217; Белов 1996: 44; Коростовец 2004: 390, 412].

Последний вопрос сам Удай неоднократно обсуждал с российскими представителями, каждый раз, впрочем, наталкиваясь на отрицательную позицию с их стороны [Коростовец 2004: 307; Кузьмин 2016: 128; Сизова 2015: 125]. В качестве компромисса российские дипломаты в Урге готовы были предоставить ему лично еще одну ссуду в размере 30 тыс. руб. для восстановления своей разгромленной ставки в хошуне Хорчин, однако он настойчиво требовал от них поддержать антикитайское движение во Внутренней Монголии [Коростовец 2004: 307; Сизова 2015: 128].

После подписания трехстороннего Кяхтинского соглашения 1915 г., предусмотревшего сохранение власти Китайской республики над Внутренней Монголией, князь Удай, разочарованный позицией как российских властей, так и правительства Богдо-гэгэна, решил вернуться в свои владения, воспользовавшись амнистией, дарованной ему китайскими властями еще в октябре 1912 г. Он скончался в собственных владениях в 1920 г. в возрасте 61 года [Белов 1996: 44].

Несмотря на то, что целью публикуемой записки было улаживание проблемы, связанной с долгами князя Удая перед российскими властями, и основное ее содержание посвящено именно данному вопросу, она содержит весьма интересные сведения, касающиеся особенностей международно-правового положения Внутренней Монголии, один из хошунов которой и возглавлял автор записки. Он достаточно подробно, с приведением конкретных фактов, описыва-

ет ситуацию, складывавшуюся в этом регионе в конце XIX – начале XX в., включая изменения в статусе Внутренней Монголии в результате восстания ихэтуаней и Русско-японской войны. Большинство сведений о положении региона в рассматриваемый период содержится в официальной документации (прежде всего, китайской и российской), записках иностранных современников, посетивших Внутреннюю Монголию с разными целями — дипломатическими, разведывательными, торговыми, научными и пр.². Ценность информации князя Удая состоит в том, что она представляет собой характеристику международно-правового положения региона, так сказать, «изнутри», глазами его собственного представителя, обладающего, к тому же, определенными властными полномочиями и, как можно судить на основании содержания записки, достаточно широким кругозором.

Насколько нам известно, этот документ не только не публиковался, но и не привлекал внимание исследователей. Поэтому ниже мы публикуем русский перевод запи-

ски (и сопроводительного письма к ней) и ее историко-правовой анализ, соотнося сведения Удая со сведениями других современников — в частности, иностранных дипломатов и путешественников, побывавших во Внутренней Монголии в рассматриваемый период. Целью исследования, таким образом, является выяснение, насколько полно и объективно монгольский правитель представлял себе особенности международно-правового положения региона, роль в международной политике различных иностранных держав и самих монгольских князей.

Ниже мы приводим русский перевод письма и записки Удая современным шрифтом, но с сохранением особенностей написания отдельных слов и терминов переводчиком, снабдив текст собственными комментариями и исследованием. К записке также прилагаем русский перевод сопроводительного письма Удая [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 69, 71–75об.]. Оригинальный монгольский текст письма и записки занимают, соответственно, л. 70 и 76 дела № 712 [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 70, 76].

Письмо князя Удая²

/л. 69/ Письмо маньчжурского подданного, цзюнь-вана 6-й степени Удая, управляющего Хорчинским цзасаком [правитель хошуна]³, имеющего пребывание в Хянь-чин Мане при Чжиримском сейме⁴, а также кавалера ордена Анны 2-й степени с мечами⁵, пожалованного от ВЫСОЧАЙШЕГО, Всесильного Белого Царя.

Осмеливаюсь доложить без страха и выяснить к подножию трона Всесильного Белого Царя⁶, заботящегося и защищающего живые существа всех 4 стран, подобно тенгриам [небожители] нижеследующее: во время минувшей русско-японской войны я, князь Удай, живя поблизости от владений Всесильного Белого Царя, до некоторой степени содействовал ему своею помощью, за что и был награжден орденом Анны 2-й степени с мечами, каковой я и принял почтительно. Повернувшись к северу [монголы часто называют русские владения севером], я коленопреклоненно возблагодарил тенгриев за такую милость. В силу этого я, презренный [выражение вежливости и скромности] Удай, осмеливаюсь послать указанное письмо за печатью Хошуна к Верховному Сановнику Столыпину, облеченному полномочиями от Великого Богатыря, Всесильного Белого Царя, как отличный им. Вместе с этим письмом, за печатью Хошуна, я осмеливаюсь приложить к нему особую докладную записку. Все это я отправляю с ламою по имени Мэргэн-Цорчжи Тоин-Ширету Бухубуян⁷. 28 числа среднего месяца первого зимнего года под циклическим знаком «вода».

² Анализ этих сведений проводился нами ранее [Почекаев 2017; Почекаев 2019].

³ Здесь и далее в публикуемых документах в квадратных скобках помещены примечания переводчика.

⁴ Чжеримский сейм (чуулган) — административно-территориальная единица на востоке Внутренней Монголии, объединявшая четыре хошуна — Хорчин (которым и управлял Удай), Джарут, Дэрбэт и Горлос.

⁵ Мечи на данном ордене означали, что он вручается за боевые заслуги.

⁶ Имеется в виду Николай II (1868–1918), российский император (1894–1917).

⁷ Брат Удая, активный участник восстания 1912 г., после подавления которого вместе с братом бежал в Ургу, участвовал в его переговорах с российскими властями.

Записка князя Удая

л. 71/ Докладная записка маньчжурского подданного цзюнь вана⁸ [князя] 6-й степени Удая, управляющего Хорчинским цзасаком [княжеством], имеющего пребывание в Хянь-чин Мане при Чжирымском сейме, а также кавалера ордена Анны 2-й степени с мечами к обличенному доверием Верховного Всесильного Белого Царя, премьер-министру русского народа г. Столыпину⁹. Сущность указанной бумаги заключается в следующем: вот уже около десяти лет между двумя народами существует освященные обычаем дружественные отношения и продолжают непрерывно до сих пор. Свидетельством этих добрых отношений служит взаимная готовность обоих народов действовать строго в духе национальных и государственных законов. Только в 27 году прошлого правления [1900-й год] китаец Тун¹⁰ с оружием в руках производил разбой и беспорядки, в то время как между русскими и дайцинским¹¹ [китайцы] народом существовали мир и согласие. Что касается правителей самой Монголии, то я один почти из них решил поддерживать во что бы то ни стало прежние добрые отношения между двумя народами [китайцами и русскими]. Кроме того, я старался помогать и действовать согласно со взглядами русских сановников, по воле Верховного Всесильного русского Царя имевших пребывание в Маньчжурии, а особенно со стоявшим во главе их наместником Алексеевым¹², за что получал от них одобрение. Таким-то образом, в силу моей чисто-сердечной, самоотверженной деятельности постепенно упрочивались дружелюбные отношения. В настоящее время все эти сановники, как то: Алексеев, Гродеков¹³ и Орхонский [рукопись неразборчива. — переводчик] уехали из Маньчжурии, а генерал Линевиц¹⁴ и Покотилов¹⁵ умерли. Сколько бы ни было в Маньчжурии та/л. 71об./ких сановников, я с каждым из них был знаком и был в дружеских отношениях. Только по вопросу железнодорожной политики и некоторых других я с ними расходился во мнении. То, к чему я дошел своим скудным умом и теперь без страха хочу доложить в настоящей докладной записке Вам, высшему сановнику Столыпину, как близко стоящему к престолу Белого Царя, заключается в следующем: в настоящее время китайцы, не щадя своей жизни, всякие сведения [в деле политики русского народа] собирают для того, чтобы доносить Маньчжурскому хану [Китайскому Императору]¹⁶. Несколько лет тому назад, когда китайцы хотели отнять у маньчжуров трон [дословно правление], то и эту свою коварную мысль они ложью и обманом хотели осуществить за счет европейцев [желая побудить китайцев к войне с ними]¹⁷. В виду того, что этот вопрос еще недостаточно [для Вас] выяснен, то я позволю себе сказать, как это произошло в 27 году прошлого правления [в 1900 г.]: «у иностранцев постепенно стали возникать недоразумения с Маньчжурским домом [Китайским Императором]. Воспользовавшись этим, китайцы стали натравливать маньчжуров на европейцев. Маньчжуры появились было уже в Монголии с

⁸ Так в переводе.

⁹ Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) — председатель Совета министров и министр внутренних дел Российской империи (1906–1911).

¹⁰ Тун Чжэнь-шэнь — один из предводителей восстания ихэтуаней.

¹¹ Имеется в виду Да Цин, т. е. «Великая Цин» — маньчжурская императорская династия (1644–1911).

¹² Алексеев Евгений Иванович (1843–1917) — вице-адмирал, главный начальник Квантунской области (1899–1905), наместник на Дальнем Востоке (1903–1905), главнокомандующий сухопутными и морскими войсками в начале Русско-японской войны (1904).

¹³ Гродеков Николай Иванович (1843–1913) — приамурский генерал-губернатор (1898–1902), главнокомандующий на Дальнем Востоке (1906).

¹⁴ Линевиц Николай Петрович (1838–1908) — командующий русского корпуса и фактический главнокомандующий союзных войск во время подавления восстания ихэтуаней (1900–1901), командующий Приамурского военного округа (1903–1904), главнокомандующий сухопутными и морскими войсками на последнем этапе Русско-японской войны и после нее (1905–1906).

¹⁵ Покотилов Дмитрий Дмитриевич (1865–1908) — дипломат, предприниматель и востоковед, агент Министерства финансов в Китае (1897–1905), российский посол в Китае (1905–1908).

¹⁶ В период, к которому относятся события, описанные в записках, императорами Цин были Гуаньсую (1875–1908) и Пу И (1908–1911).

¹⁷ Имеется в виду восстание ихэтуаней (1898–1901).

целью вербовать войска и издали указ о том, чтобы сразиться с русскими и другими и¹⁸ европейцами, находящимися в Маньчжурии. Тогда наши монголы разузнали про эту коварную ложь и решили, что простые недоразумения с иностранцами отнюдь не должны вести к войне. После такого оборота дела Маньчжурский Император издал соответствующий указ об отмене войны, где, между прочим, говорится: „если поразмыслить, то оказывается, какие ничтожные идеи легли в основу /л. 72/ китайского восстания 1900 года; между тем, как мне пришлось узнать от монголов, они могли их ввести в столь опасное заблуждение“». О таком указе знали жившие в Маньчжурии сановники — Алексеев и Гродеков. Я, со своей стороны, и присоединившиеся ко мне единомышленники сообщили Маньчжурскому повелителю следующее: «после раскрытия злых умыслов китайцев в 1900 г. русские вступили с монголами в более дружелюбные отношения. Подобно этому [желательно было бы], если бы и Маньчжурский дом сделал бы то же самое». Китайцы всегда неприязненно относились к русским, да и к маньчжурскому дому они питали такую же вражду. Затем, в прошлый раз, китайцы самыми недостойными средствами побудили Маньчжурского Императора издать вышеупомянутый указ. Кроме того, китайцы начали возделывать пашни в нашем хошуне, собирали урожай и вообще вели себя по отношению к монголам вызывающе. В 28 году прошлого правления [1900 г.] я застал таких китайцев в своем хошуне на том самом месте, где с давних пор обрабатывали землю около тысячи монгольских кибиток. После подчинения наших монголов Маньчжурскому дому среди нас начало усиливаться стремление к объединению всех монгольских хошунов на почве национальных интересов и обычаев. Поэтому, задумавши выгнать китайцев, отнявших у нас пахотную землю, нами было решено поселить там кочующих монголов моего и других хошунов. Занявши у русского наместника 200 000 рублей казенных денег, я начал скупать у китайцев за малую плату землю и наделил ею монголов. Выкупив окончательно на взятые деньги эти земли, я сделался, таким образом, зависимым от русских. Китайцам же после этого я запретил доступ в мой хо/л. 72об./шун, который находится от железной дороги в 108 верстах. В ширину он имеет протяжение, равное участку железно-дорожной¹⁹ линии от Амура до Хингана. На юге через мой хошун проходит великий Сибирский путь. Поэтому мои владения являются смежными с русскими. Об этом обстоятельстве также знали русские чиновники, жившие в Маньчжурии. При разделе земель после удаления китайцев большая часть земли моего хошуна была дана монголам. После 27 года²⁰ прошлого правления японцы стали посещать нашу монгольскую страну. В особенности они проникали в Монголию от железнодорожной линии. Вследствие симпатии монголов к русским они почти не имели возможности найти удовлетворение своим намерениям. Только поблизости от великой китайской стены японцы открыли школы и стали в них преподавать военные науки по европейской программе. В то время, когда между двумя странами — русскими и японцами началась война²¹, эти последние целыми отрядами тайно направились с юга в Цицикар и Хайлар, по направлению железной дороги. Когда им не удалось дальнейшее движение, они вторглись в наши монгольские хошуны. В силу таких обстоятельств наши монголы были в недоумении и не знали как им вести себя по отношению к японцам. Тогда японцы переоделись в чужеземные костюмы и монгольских лам. Двигаясь с одного места на другое, они распускали всякого рода ложные слухи. Некоторые из них, впрочем, успели бежать, другие в пути сами поумирали, некоторых из них монголы наших хошунов убили. Спаслись только те из них, которые достигли границы нашего хошуна с хошуном дзалайтским²². После этого к нам пришел русский начальник, полковник Богданов²³ со свитой и отдал приказание монголам моего хошуна, чтобы они не пуска/л. 73/ли через свои земли не только японцев, но и китайцев и каждый раз задерживали бы их. Я, со своей стороны, опу-

¹⁸ Так в переводе.

¹⁹ Так в переводе.

²⁰ Слово «года» в переводе вставлено сверху строки.

²¹ Русско-японская война 1904–1905 гг.

²² Хошун Джарут.

²³ Богданов Александр (ум. 1904) — полковник Генерального штаба, военный комиссар Цицикарской провинции, убит хунхузами [Сергеев 2010: 212].

бликовал это распоряжение среди монголов в таких выражениях: «через мой хошун может пролетать только птица. Если же кто-либо из людей не моего хошуна явится в наши края, то, отправивши такого человека в канцелярию цзасака, нужно допросить его, в случае чего-либо подозрительного немедленно выгнать». После опубликования такого приказа китайцы чиновники²⁴, сторонники японцев, обратились ко мне с просьбой отменить это распоряжение. Я же, следуя монгольским традициям, никогда не отменял того, что было мной приказано. Когда через мои владения прошел однажды полководец Кедров²⁵, японцы немедленно узнали об этом от шпионов. Во время дальнейшего хода сражений, когда японцы стали слабеть, а русские крепнуть силами и даже заставили противника отступить, китайцы стали нам передавать о своих беспокойствах. Наши монголы все время продолжали получать сведения о месте расположения японских войск. Одно время прошел слух через Бинкту-вана [один из военных монгольских чинов]²⁶, что японцы были совершенно разбиты уже после того сражения, которое происходило под Мукденом²⁷. Когда военные действия окончились, наши монголы еще не знали об этом. О своих потерях не знали также и японцы, продолжая вести себя надменно. По окончании войны китайские чиновники, изменив расположение ко мне Богдыхана²⁸, вели усиленную пропаганду против тех из нас, которые во время войны действовали заодно с русскими и оказывали им всяческое содействие. Вследствие этого мне пришлось очень пострадать. Во время моих страшных /л. 73об./ мучений само небо милостивое пришло мне на помощь. Несмотря на то, что Монголия не входила в число мест для театра военных действий, тем не менее, китайские чиновники в Монголии распространяли разные ложные слухи, оказывая японцам тайную помощь. Слухи эти были такого рода: японцы оттеснили русских к северу от озера Байкал. Если они узнают, что вы, монголы, оказываете помощь русским, то они вас сильно накажут. Так-то китайцы запугивали нас. Мне лично тоже неоднократно присылались письма из Мукдена, где говорилось, чтобы я не позволял русским жить в своем хошуне. Если же я не исполню этого приказа и буду позволять русским поселяться в своих владениях, то я получу строгие кары. Поэтому я, задумавшись над такого рода положением дел, встретил Линевица и после разговора с ним решил разъяснить монголам о лживых слухах и обманах китайцев. Когда я разговаривал с Линевицем, то я просил его о следующем: «Я, цзюнь-ван, для нужд своего хошуна занимал деньги. Теперь не можете ли Вы, генерал, помочь мне достать денег для того, чтобы упрочить свой авторитет в глазах Богдыхана несением расходов на дворцовые нужды, собираемые китайцами со всех подданных». На такую мою просьбу я просил этого генерала дать мне ответ, а сам, тем временем, начал действовать более решительно и, поселив русских в своем хошуне, доставлял им помощь пищею и другим средствами. Также и русским войскам продавал я скот и пищу из нашей местности. Когда окончились военные действия, вновь стали распространяться слухи о том, будто японцы окончательно разбили русских. Нужно отдать справедливость, что русские городов не разоряли, несмотря /л. 74/ на то, что военные действия у них с японцами [к концу войны] происходили на суше. За то, что я помогал русским, мне сулили тяжкие наказания. Я же, со своей стороны, добрался до главной квартиры главнокомандующего всеми русскими войсками и просил его оказать мне помощь²⁹. Хотя от этого сановника и был

²⁴ Так в переводе.

²⁵ Хитрово Александр Дмитриевич (1860 – после 1916) — офицер для поручений при начальнике Заамурского военного округа, участник подавления восстания ихэтуаней, участник Русско-японской войны. В 1906 г. был командирован для ведения переговоров с Далай-ламой XIII, пребывавшим в это время в Халхе.

²⁶ Вероятно, имеется в виду хошунный правитель Бинту-ван, в 1916–1917 гг. назначенный китайскими властями «умиротворителем Монголии» [Кузьмин 2018: 4, 7; см. также: Tsai 1983: 73–75].

²⁷ Сражение под Мукденом (17 февраля – 10 марта 1905 г.), ставшее самым масштабным в Русско-японской войне и завершившееся победой японских войск, понесших однако настолько тяжёлые потери, что они практически не смогли далее вести боевые действия.

²⁸ Император Гуаньсюй.

²⁹ По всей видимости, Н. П. Линевица.

получен отказ, я обратился к посредству Кедрова, Хорвата³⁰ и князя Даниила³¹, и, когда объяснил им положение своих дел, тогда они выдали мне 90 000 рублей. Получивши деньги, я отправился в столицу с тем, чтобы устроить некоторые свои дела. Хотя я и обещался уплатить эти взятые деньги к определенному сроку, но по воле Неба урожай в том году был очень плохой, я не мог собрать земельные арендные платы. Когда я разъяснил все это Хорвату и князю Даниилу, они настойчиво стали требовать с меня долги. Даже Кедров, явившийся посредником между мною и этими сановниками, воочию убедился, что такое требование доходит до бесстыдства. Чтобы не оконфузиться, я довольно подробно обдумывал свое положение и решил обратиться к Китайскому Императору. Император отнесся сочувственно к моему положению и приказал выдать мне 300 000 лан для уплаты моего долга. Удостоившись такой милости, я доложил об этом Кедрову. Этот последний приказал своим чиновникам уведомить меня, чтобы я не беспокоился о долге. После этого я отправился в Харбин, чтобы привести в исполнение некоторые дела. В это время Китайского Императора не было в столице. Китайские чиновники, которым было поручено мое дело, хотя и получили приказание выдать мне деньги, но все-таки они всеми мерами меня притесняли и доставляли различного рода страдания. Они уго/л. **74об.**/варивали меня не платить долг русским в количестве 200 000 рублей, так как платежу пришел срок. Я же, внимая голосу совести, не мог пойти на такое дело и, восстановив долговые обязательства, выдал их русским чиновникам, с непоколебимым желанием уплатить весь долг в 290 000 рублей русскому Правительству, несмотря на недействительность долговых обязательств³² и на то, что без денег пашни моего хошуна не могли обрабатываться. Помимо этого, китайские чиновники убеждали меня порвать хорошие отношения с русскими, а также высказывали неудовольствия по поводу моих отдельных поступков. Я же, продолжая дружить с русскими, решил действовать осторожнее по отношению к³³ китайским властям, твердо памятая³⁴, что после бури бывает всегда хорошая погода³⁵. В столь трудных обстоятельствах, по совету домашних, я решил обратиться к Далай-Ламе³⁶ и доложить ему обо всем. Когда я дошел до Мукдена, китайские чиновники, заметив нас и узнавши, что я желаю представиться Далай-Ламе, заподозрили меня в желании раскрыть ему политические тайны и, пользуясь дружбой с русскими, заключить с ним союз в целях объединения Тибета и Монголии. Хотя они и хотели помешать мне достигнуть этой цели, я все же отправил своего брата Бухубуяна к Далай-Ламе. Когда он достиг монастыря Гум Бум³⁷, то, представившись Далай-Ламе, подробно доложил ему о положении дел. Далай-Лама сказал следующее: «если вы желаете дружить с русскими и пользоваться их милостынями, то не верьте льстивым словам китайцев». Мы — монгольские цзасаки и нойоны [князья] так и по-

³⁰ Хорват Дмитрий Леонидович (1858–1937) — руководитель строительства и управляющий КВЖД (1903–1918), генерал-майор. После революции 1917 г. — участник Белого движения на Дальнем Востоке, затем — фактический глава русской эмиграции в Китае.

³¹ Личность идентифицировать не удалось. Судя по контексту упоминаний вместе с Д. Л. Хорватом, речь может идти о князе Степане Николаевиче Хилкове (1866–1916), активном участнике строительства, затем — помощнике управляющего КВЖД.

³² Вероятно, имеется в виду озвученное еще в 1907 г. предложение Гродекова простить долг Удаю и тем самым завершить с ним финансовые отношения. Однако самому князю это было невыгодно, и он предпочел запросить дополнительный заем с обещанием вернуть, в конце концов, всю сумму [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 12–12об.].

³³ «К» вставлено сверху строки.

³⁴ Так в переводе — должно быть «памятуя».

³⁵ Монгольская поговорка, существующая в различных вариациях, напр.: «После пыли — дождь», «В конце страдания — радость» и т. п. [Личная консультация д-ра филол. наук И. В. Кульганек; 11.08.2020].

³⁶ Далай-лама XIII (1876–1933) — духовный и светский глава Тибета (1895–1933). После оккупации Тибета англичанами нашел убежище сначала в Монголии (1904–1906), затем в Китае (1906–1909). В 1910 г. вновь был вынужден покинуть Тибет из-за вторжения цинских войск, эмигрировал в Британскую Индию.

³⁷ Монастырь в Амдо, где Далай-лама останавливался на длительный отдых по пути из Пекина обратно в Тибет в 1909 г.

ступаем, твердо ожидая помощи с севера [от русских]. В этой помощи мы так уверены, как стрела, /л. 75/ пущенная вперед, уже не возвращается. Только некоторые из князей, в увлечении собственным спокойствием, поступали легкомысленно [в отношении нашей программы] в роде, например, Карчинского³⁸ вана [князя], который только и заботился [не об общих интересах,] но о личной славе и известности в столице, да и был притом сторонником японцев. Что касается нынешнего маньчжурского правления, то оно, находясь в руках китайских чиновников, окончательно подавлено ими. Так как Богдыхан милостиво относится к нам, монголам, то он вникает во все наши дела. Китайцы же, наоборот, со злым умыслом уговаривали меня, мой хошун и других монголов порвать с русскими всякие сношения. Хотя у меня в хошуне имеются ценные земли, но будучи страшно затруднен в денежных делах, я отправился в Китай, чтобы получить назначенные мне для платежа русским 300 000 рублей³⁹. Меня там опутали китайские чиновники в тот момент, когда получали долговые обязательства. Всем известно, какие китайцы взяточники. Они всегда берут с нас взятки и подарки, собирают ли подати или совершают какие-либо дела с нами. Хотя в деле взяточничества китайские чиновники и установили определенную таксу, но на деле этого им бывает недостаточно. Озабоченный миром и благоденствием своего хошуна, я потрбно⁴⁰ выяснил все эти неприятности Богдыхану. Потративши значительную часть выделенных мне денег на взятки и другие необходимые издержки, я обратился к сановникам русских, живших раньше в Маньчжурии: Линевичу, Алексееву, Гродекову, с просьбой походатайствовать за меня, нельзя ли отсрочить платеж одной трети или половины моего долга русским, я был /л. 75об./ уверен в успехе моей настоящей просьбы. При всех стараниях русские сановники не могли ничего сделать. В виду такого тяжелого для меня положения дел я решился обратиться к Вашему Превосходительству с тем, чтобы вы доложили об этом Всесильному Белому Царю, нельзя ли мне оказать великую милость и позволить отсрочить одну треть или половину моего долга русским на неопределенное время. С самого вступления Великого Белого Царя на престол монгольский народ питал к нему особенные дружелюбные чувства, а установление русского народного правления [Госуд. Дума] еще более упрочило узы дружбы нашего народа с русскими [разумеются избирател. права в Госуд. Думу для монгольских единоплеменников — бурят и калмыков]. Что же касается меня, то я все свои взоры и мольбу о милости с твердою надеждою на успех посылаю Вам, великому сановнику Белого Царя. Теперь я уже не стану скрывать, что в настоящее время в Маньчжурии начинаются волнения. Китайская чернь и правительство относятся к нам, монголам, очень недружелюбно и особенно под давлением японцев стремятся тайно побуждать Китай к войне с русскими. Подвластные мне сановники были против настоящего моего обращения к Вашему Превосходительству. Я же, много пострадав за это время, на свой риск решил отправить указанный доклад со своим братом, главным Ламою при дворцовом храме Цорчжи-Тоин-Бухубуяном. Отправив его в столицу России, я вручил ему этот доклад за печатью цзасака и сделал его своим уполномоченным для решения и обсуждения всяких дел с приказанием ожидать ответа на этот мой доклад. После того, как я получил через покойного посла на/л. 77⁴¹/шей резиденции [Пекин] Покотилова орден с мечами от Всемогущего Белого Хана, я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство довести до сведения Верховного Повелителя России о воодушевляющих чувствах монгольского народа по отношению к Великому [русскому] народу с желанием вечного благоденствия. Я же, порадованный великою милостью и наградой, благоговейно, от всего сердца, поручаю посланному преподнести былый ходак⁴¹ [платок — обычный подарок монголов]. Кроме этого, я, презренный князь, осмеливаюсь беспокоить Вас, имя и слава которого известны на весь мир, просьбою не оставить Вашим попечением моего брата, Бухубуяна, во время его пребывания в столице Вашей. Когда Бухубуян возвратится на родину, то он подробно поведаст мне о приеме и чувствах обоюдной дружбы.

28 числа среднего зимнего месяца первого года, под циклическим знаком «Вода».

³⁸ Харачинского.

³⁹ Так в переводе, хотя выше был «лан».

⁴⁰ Так в переводе.

Историко-правовой анализ

В приведенной записке характеризуются особенности международно-правового положения Внутренней Монголии, правители которых в описываемый им период поддерживали связи как с властями империи Цин, так и с соседними державами — Российской империей и Японией.

Весьма красноречиво описана в записке политика маньчжурских властей по интеграции Внутренней Монголии в имперское пространство, нашедшая отражение как в административных, так и в социально-экономических преобразованиях. Главной целью властей империи Цин стало «сращивание» Внутренней Монголии с соседними китайскими провинциями, которого они старались достичь путем массового переселения китайских крестьян-колонистов на монгольские земли.

Согласно сведениям иностранных путешественников, стихийно этот процесс начался еще в конце XVIII в., когда первые китайцы-колонисты стали появляться на землях Внутренней Монголии. Формально маньчжурские власти, исходя из «Лифаньюань цзе-ли» («Уложения Китайской палаты внешних сношений»), запрещали подобные переселения, затем ограничивали число поселенцев [Гурьев 1910: 6–9; Tsai 1983: 37–38]. Со временем китайская колонизация стала принимать столь угрожающие масштабы, что местные князья на своих сеймах раз за разом единогласно принимали решения об отказе в предоставлении китайским поселенцам даже «пустопорожних земель» [Роборовский 1949: 327, 338; David 1975: 160]. Однако маньчжурские власти «из корысти» продавали китайским мандаринам земли в юго-восточной Монголии, которые формально были «приписаны к дворцу Жехо», т. е. считались государственной собственностью [Фрицше 1873: 257]. Прямым следствием таких решений стал захват монгольских владений с использованием особой «системы», по сути, сочетавший в себе «обман и насилие» [Давидов 1911: 46; Морозов 1912: 286]. По сведениям некоторых путешественников, происходили и открытые вооруженные захваты китай-

⁴¹ Л. 76 — это оригинал докладной записки на монгольском языке, представляющий собой свиток с текстом и семью печатями.

⁴² Так в переводе.

цами монгольских земель, их распашка и возведение каменных домов [David 1975: 167, 168]. В результате уже в конце XIX в. в Южной Монголии насчитывались десятки монгольских и даже чисто китайских деревень [Потанина 1895: 86–87; Палибин 1901: 42–43; Hedley 1910: 133, 158].

Формально маньчжурские власти объясняли подобную политику стремлением приобщить к земледелию самих монголов. Оно оказалось успешным: уже в середине XIX в. многие народности Южной Монголии (харачины, тумэты и др.) уже перешли к земледельческому хозяйству [Васильев 1857: 161, 163]. Массовые переселения китайцев во Внутреннюю Монголию не давали возможности самим монголам полноценно заниматься земледелием на территории собственных хошунов, в результате чего представители отдельных племен переселялись на земли других. С этой проблемой и столкнулся автор записки — князь Удай.

В 1891–1892 гг. на территории Северо-Восточного Китая вспыхнуло восстание секты «Цзинь-дань-дао», участники которого, выступив сначала против христианских миссионеров и обращенных ими китайцев, вскоре обратили оружие и против коренного населения Внутренней Монголии. Монголы племени харачин выступили против восставших и нанесли им ряд поражений. В результате благодарные маньчжурские власти в 1893 г. позволили части племени переселиться в хошун Хорчин, а Удаю заставили уступить им значительное количество земли по символической цене [Фрозе 1911: 106; см. также: Златкин 1957: 130–131; Алтанцэцэг 1981: 38–39; Кузьмин 2016: 63].

После подавления восстания ихэтуаней в 1901 г. империя Цин, обеспокоенная тем, что Россия, принявшая активное участие в разгроме восставших, распространит свое влияние на Маньчжурию и Монголию, официально провозгласила политику интеграции монголов в имперское пространство, тем самым открыв возможности для массовых переселений в монгольские земли для китайских колонистов и представителей монгольских народностей, уже к этому времени воспринявших оседлый образ жизни [Фрозе 1911: 94, 108, 122; см. также: Tsai 1983: 94–95]. В период с 1903 по 1907 гг. князю Удаю пришлось уступить колони-

стам впятеро больше земель, чем в 1893 г.: на них поселились те же харачины, а также тумэты, китайцы и маньчжуры [Болобан 1910: 69].

В связи с притоком в хошун Хорчин большого количества населения из «внутренних» китайских областей цзянь-цзюнь (генерал-губернатор) Мукдена направил представление о формировании во владениях князя Удай чисто китайской административно-территориальной единицы. В результате в 1903 г. в хошуне была образована китайская область с центром в городе Тао-нань-фу, включавшая в себя 3 уезда [Ландезен 1909: 152–153; см. также: Курас 2016: 133]. Причем самому же Удаю пришлось финансировать возведение во вновь созданном областном центре здание «колониационного бюро», т. е. ведомства, распределявшего земли в его улусе между колонистами. В результате самим же хорчинам, желавшим осесть на землю, приходилось покупать участки земли, ранее считавшейся их общим владением, через эту китайскую контору [Г. П. 1909: 123]!

Именно эти события описаны (хотя и сравнительно кратко) в его записке, когда он излагает причины обращения к российским властям с целью получения в долг денежной суммы в размере 200 тыс. руб., чтобы выкупить обратно земли. Однако взятие этой суммы в долг не позволило Удаю выкупить земли — и не только в связи с тем, что одолженные деньги были потрачены им «на собственные нужды» (да и сам он в записке признавался, что значительные средства были потрачены им на путевые расходы и на взятки маньчжурским чиновникам). После Русско-японской войны, пользуясь ослаблениями позиций России на Дальнем Востоке, цинские власти продолжили заселение региона китайцами. Маньчжурская администрация предложила хорчинскому князю погасить его долг, предложив под обеспечение принадлежащего ему скота и оставшихся земель выделить денежные средства в размере 300 тыс. лан серебра [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 75].

В результате в 1907 г. Удай был вынужден подписать так называемые «Правила для урегулирования положения дел в хошуне Цзасакту-вана», состоявшие из 15 пунктов, реализация которых фактически лишила его возможности распоряжаться зе-

мельными владениями в собственном уделе [Г. П. 1909: 126, 127; см. также: Tsai 1983: 89–92]. В начале 1910-х гг. китайские власти стали регулярно отправлять чиновников для проведения «инструментальной съемки» земель Внутренней Монголии с целью их дальнейшей колонизации [Третьяк 1912: 104, 116–117]. Наряду с колонистами-крестьянами в регионе в большом количестве стали появляться и наемные рабочие-кули, свободно перемещавшиеся по территориям, еще сравнительно недавно закрытым для китайцев [Pereira 1911: 262].

Поэтому неудивительно, что Удай, подобно многим другим князьям Внутренней Монголии, крайне негативно относился к династии Цин и выступал за сохранение традиционной государственности, правовых и социально-экономических отношений [Москвитин 1908: 16–17; Жамцарано 1913: 52–53; см. также: Курас 2016: 131; Цыбенков, Юй 2018]. Тем более что (как он отмечает в своей записке) стремления монголов к независимости и самостоятельному пути развития поддержал также Далай-лама XIII, одобрявший также и контакты правителей Внутренней Монголии с российскими властями [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 74об.].

Однако почему же Удай счел возможным обратиться за поддержкой именно к России? Дело в том, что еще со времени появления российских войск в Маньчжурии и Монголии для подавления восстания ихэтуаней, т. е. с 1900 г., хорчинский князь стал поддерживать тесные контакты с администрацией русского Дальнего Востока: упоминаемые им в записке контакты с руководителями этой администрации А. Е. Алексеевым, Н. П. Линевицем, Н. И. Гродековым, Д. Л. Хорватом и др. отражали реальное положение дел [Белов 1996: 39]. Наладив связи с российскими властями, Удай воспользовался их слабым знанием ситуации во Внутренней Монголии и вскоре превратился в главного посредника между российской администрацией и монгольскими князьями — своими родичами, хотя фактически его влияние в монгольских землях было не столь значительным, как он старался внушить русским чиновникам. Неслучайно один из участников событий тех лет несколько лет спустя писал: «Мы сами окружили Удай ореолом какого-то

особого влияния его среди князей и создали ему репутацию богатого и сильного в Чжеримском сейме» [Г. П. 1909: 127].

Однако было бы несправедливым считать, что Удай в отношениях с русскими ограничивался пустыми обещаниями, а сами имперские администраторы с легкомысленным доверием воспринимали его слова. В годы Русско-японской войны хорчинский князь сумел продемонстрировать на практике свою симпатию к русским. Как сам он упоминает в записке, накануне начала боевых действий в его владениях побывали российские военные агенты полковники А. Богданов и А. Д. Хитрово, сумевшие убедить его оказать поддержку русским в обеспечении безопасности КВЖД [Сергеев 2010: 106], что также нашло отражение в публикуемой записке. В результате во время войны Удай, во-первых, блокировал проход через свои владения японских войск и нанятых японцами монголов и китайцев-хунхузов, во-вторых, поставлял российским войскам скот⁴³ [Белов 1996: 40]. Его заслуги, оказанные в военное время, впоследствии подтвердили и представители российской администрации Дальнего Востока, что нашло отражение и в материалах дела № 712 [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 6 и др.]. Неудивительно, что он был награжден орденом св. Анны (о чем также упоминает в письме) и вопрос о предоставлении ему ссуды обсуждался на уровне высших органов власти Российской империи [Россия и Тибет 2005: 102].

Однако после поражения России в 1905 г. князь Удай, как он сам пишет в своей записке, подвергся преследованиям со стороны маньчжурских властей за оказание поддержки русским. В административном отношении это выразилось в том, что пограничные маньчжурские администраторы стали всячески препятствовать его контактам с русскими, в частности запрещая ему поездки в Харбин. Вместе с тем маньчжуры всячески поощряли взаимодействие Удая с

⁴³ Тем самым князь Удай нарушал запрет на торговлю монголов с иностранцами, в том числе и с русскими, который издавна действовал на территории как Халхи, так и Внутренней Монголии, соблюдение которого в мирное время контролировали представители китайских таможенных структур [Бичурин 1828: 30; Виноградов 1909: 163–164].

японскими представителями, имевшими резиденцию в Мукдене, а также принятие им японских эмиссаров в собственных владениях [Г. П. 109: 128–129].

Представители Японии стали активно действовать во Внутренней Монголии уже в конце XIX в. — особенно после поражения империи Цин в китайско-японской войне 1894–1895 гг. [Алтанцэцэг 1981: 18; Мажинский 2014: 38]. Поначалу речь шла только о японских торговцах, затем наряду с ними во Внутреннюю Монголию стали проникать и представители разведки, занимавшиеся сбором сведений о деятельности не только маньчжурской администрации и монгольских князей, но и других иностранных держав в регионе, в частности России и США.

Примеры такой деятельности и приводит в своей записке Удай, упоминая японских учителей, секретных агентов, передевавшихся в торговцев и буддийских лам и т. д. Правда, сам он относит деятельность японских шпионов к событиям русско-японской войны [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 72об.], тогда как, согласно документам российской разведки, она имела место уже в послевоенный период [Кузьмин 2014: 29–31; Курас 2016: 133]. Дело в том, что после войны, в 1907 г., было подписано русско-японское соглашение, в секретном приложении к которому сферой влияния России признавалась Северная Монголия (Халха), а Японии — Внутренняя Монголия [Дудин 2014: 12]. Именно по итогам этого соглашения японцами было создано специальное разведочное бюро, в составе которого были подразделения, отвечавшие за работу в Маньчжурии и Внутренней Монголии. Полагаем, что Удай, относя действия японских агентов к периоду военных действий, старался подчеркнуть в глазах российских имперских властей свои заслуги, оказанные им в 1904–1905 гг.

Тем не менее, несмотря на «хронологический сдвиг», хорчинский князь в целом верно описывает сложившуюся ситуацию, связанную с ослаблением влияния России в Южной Монголии и с политикой маньчжурских властей, видевших в японском влиянии во Внутренней Монголии противовес влиянию Российской империи. В результате японские представители сумели привлечь на свою сторону и некоторых монгольских князей — что также упоминает Удай в сво-

ей записке [см. также: Шахновский 1906: 49]. Вероятно, именно в это время японские эмиссары стали формировать себе базу, на основе которой уже в начале 1930-х гг. сумели создать «марионеточные» государства под своим контролем: Маньчжоу-го в Маньчжурии и Мэнцзян во Внутренней Монголии [см. подробнее: Дудин 2014; Мажинский 2014: 60–88].

При этом сам Удай, несмотря на периодические контакты с японцами, продолжал придерживаться пророссийской ориентации, что не могли не оценить власти Российской империи. Это нашло отражение в решении по его прошению, которому и посвящено дело № 712: по итогам ряда межведомственных совещаний с участием представителей МИДа, Минфина, Военного министерства и дальневосточной администрации было принято решение простить Удаю его долги в размере 285 тыс. руб.⁴⁴ (правда, при этом — отклонить его просьбу о предоставлении новой ссуды).

Вероятно, это решение российских властей убедило князя Удаю в том, что русские и впредь будут готовы оказывать ему поддержку⁴⁵, в результате чего он и поднял в августе 1912 г. вышеупомянутое восстание, завершившееся скорым поражением и бегством самого князя в Халху.

В заключение обратим внимание на то, что князь Удай в своей записке ничего не упоминает о деятельности во Внутренней Монголии американских и европейских (в частности немецких) торговых компаний, действовавших в регионе с конца XIX в. [Алтанцэцэг 1981: 20–21]: вероятно, князю не приходилось иметь с ними дел.

⁴⁴ А не 290 тыс., как он сам указывает в записке.

⁴⁵ Именно по поводу этой поддержки вел переговоры Ширэту-лама, направленный Удаем в Санкт-Петербург с публикуемым письмом и запиской [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 81об.].

Заключение

Итак, записка князя Удаю является весьма ценным документом о непростом международно-правовом положении Внутренней Монголии, оказавшейся на рубеже XIX–XX вв. объектом устремлений могущественных держав, соперничавших за контроль над Дальневосточным регионом — империи Цин (собственного сюзерена монголов), а также России и Японии. В документе весьма подробно характеризуются колонизационная политика Цинской империи во Внутренней Монголии, усилия японцев по укреплению своего влияния в регионе, ориентация монгольских князей на союз с Россией, в котором они видели залог сохранения своей самобытности.

Безусловно, записка отражает весьма субъективный взгляд на ситуацию: Удай подчеркивает перед адресатом собственную значимость на международной арене, постоянно акцентирует внимание на том, что он — едва ли не единственный из князей Внутренней Монголии, кто является сторонником России. Однако сравнение его сведений с информацией иностранных современников позволяет сформировать достаточно объективное представление независимых друг от друга участников событий о положении Внутренней Монголии на рубеже XIX–XX вв. и особенностях ее взаимоотношений с другими участниками международных отношений в регионе.

Анализ международно-правового положения Внутренней Монголии, охарактеризованного в записке князя Удаю, таким образом, отражает существенные изменения расстановки сил в Восточной Азии к концу первого десятилетия XX в., впоследствии приведшее к дальнейшему усилению Японии и образованию в регионе «марионеточных» государств — таких как Мэнцзян и Маньчжоу-Го.

Источники

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Sources

Russian State Historical Archive.

Литература

- Алтанцэцэг 1981 — *Алтанцэцэг Н.* «Внутренняя Монголия» во второй половине XIX – начале XX вв. / под ред. Ч. Далай. Уланбатор: Ин-т востоковедения АН МНР, 1981. 61 с.
- Батсайхан 2018 — *Батсайхан О.* Последний великий хан Монголии Богдо Джебцзундамбахутухта VIII. Жизнь и легенды / пер. Н. Баяр. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2018. 406 с.
- Белов 1996 — *Белов Е. А.* Антикитайское восстание князя Удая во Внутренней Монголии (1912 г.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1996. № 3. С. 39–45.
- Белов 1999 — *Белов Е. А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. 239 с.
- Бичурин 1828 — Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. I. СПб.: Тип. К. Крайя, 1828. XII+339 с.
- Болобан 1910 — *Болобан А.* Северо-Восточная Монголия и ее хлеба // Вестник Азии. 1910. № 5. С. 68–94.
- Васильев 1857 — *Васильев В. П.* Выписки из дневника, веденного в Пекине // Русский вестник. 1857. Т. 9. С. 145–200.
- Виноградов 1909 — *Виноградов [М. Н.]* Описание пути от г. Хайлара до г. Калгана, пройденного в течение лета и осени 1906 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXXII. СПб.: Военная тип., 1909. С. 151–184.
- Г. П. 1909 — *Г. П.* Наши торговые интересы в Монголии // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 122–135.
- Гурьев 1910 — *Гурьев Б.* Территориальная неприкосновенность Монголии по уложению Лифань-юаня // Вестник Азии. 1910. № 6. С. 6–13.
- Давидов 1911 — *Давидов Д. А.* Колонизация Маньчжурии и С.-В. Монголии (области Тао-Нань-Фу). Владивосток: Изд-во Восточного ин-та, 1911. VIII+185 с.
- Дудин 2014 — *Дудин П. Н.* Политическая история Мэнцзяна. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2014. 300 с.
- Жамцарано 1913 — Поездка в Южную Монголию в 1909–1910 гг. Отчет Ц. Жамцарано // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Сер. II. 1913. № 2. С. 44–53.
- Златкин 1957 — *Златкин И. Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М.: ИВЛ, 1957. 300 с.
- Коростовец 2004 — *Коростовец И. Я.* От Чингис хана до советской республики (Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). Улан-Батор: Эмгэнт, 2004. 560 с.
- Кузьмин 2014 — *Кузьмин Ю. В.* Иркутские архивные материалы о деятельности японской разведки в Монголии и Маньчжурии в начале XX в. // Сибирь в войнах начала XX века. Мат-лы Сибирского исторического форума (Красноярск, 3–6 декабря 2013 г.). Красноярск: Резонанс, 2014. С. 28–31.
- Кузьмин 2016 — *Кузьмин С. Л.* Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2016. 496 с.
- Кузьмин 2018 — *Кузьмин С. Л.* Положение повстанцев Внутренней Монголии после смерти их лидера Бавужава в 1916 г. // Oriental Studies. 2018. Vol. 11. №. 6. С. 2–14. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-2-14
- Кузьмин, Батсайхан 2019 — *Кузьмин С. Л., Батсайхан О.* Об указе императора Хунтайджи (Абахая) о восстановлении независимости монголов после падения Цинской династии // Восток (Oriens). 2019. № 5. С. 200–217.
- Курас 2016 — *Курас Л. В.* Внутренняя Монголия в составе империи Цин // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2016. Т. 15. С. 126–136.
- Ландезен 1909 — *Ландезен А. фон.* Новейшие данные для культурно-экономического описания городов Маньчжурии и Монголии // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 152–164.
- Мажинский 2014 — *Мажинский С. В.* Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911–1976 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 214 с.
- Морозов 1912 — *Морозов И. М.* Бюджет монгольского хозяйства и перспективы русско-монгольской торговли // Московская торговая экспедиция в Монголию. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912. С. 280–291.
- Москвитин 1908 — [*Москвитин Ф. С.*] Заметки о Монголии // Туркестанский сборник. Т. 470. Ташкент: [б. и.], 1908. С. 115–117.
- Палибин 1901 — *Палибин И. В.* Предварительный отчет о поездке в восточную Монголию и застенный Китай // Известия Императорского

- Русского Географического общества. Т. XXXVII. 1901. Географические известия. С. 1–58.
- Полумордвинов 1912 — *Полумордвинов М.* Историческая справка // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 1–20 + I–IV.
- Потанина 1895 — *Потанина А. В.* Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М.: Тип. Елизаветы Гербек, 1895. XLII+296 с.
- Почекаев 2017 — *Почекаев Р. Ю.* Традиционное право Монголии под властью империи Цин в записках российских путешественников XIX – начала XX века // Сибирский юридический вестник. 2017. № 3. С. 14–21.
- Почекаев 2019 — *Почекаев Р. Ю.* Правовые реалии Монголии XVIII – 1-й пол. XIX в. глазами российских путешественников (опыт юрико-антропологического анализа) // Вестник Российского университета Дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 4. С. 602–621.
- Роборовский 1949 — *Роборовский В. И.* Путешествия в восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. Труды экспедиции Русского географического общества по Центральной Азии в 1893–1895 гг. / ред., вступ. ст. и коммент. Б. В. Юсова. М.: ОГИЗ, 1949. 402 с.
- Россия и Тибет 2005 — Россия и Тибет: сборник русских архивных документов, 1900–1914 / отв. ред. Е. А. Белов. М.: Вост. лит., 2005. 231 с.
- Сергеев 2010 — *Сергеев Е. Ю.* Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904–1905 гг. М.: Т-во научных изданий КМК, 2010. 219 с.
- Сизова 2015 — *Сизова А. А.* Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М.: Наука, Вост. лит., 2015. 295 с.
- Третьяк 1912 — *Третьяк И. А.* Дневник. Путешествия вокруг Хингана (Результаты командировки в 1908 и 1909 гг.). Хабаровск: Тип. канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1912. 175 с.
- Фрицше 1873 — *Фрицше [Г. А.]*. Путешествия по Монголии // Известия Императорского Русского Географического общества. 1873. Т. IX. 1873. Отд. II. С. 255–259.
- Фрозе 1911 — *Фрозе Б.* Восточная Монголия и ее колонизация // Вестник Азии. 1911. № 10. С. 90–136.
- Цыбенков, Юй 2018 — *Цыбенков Б. Д., Юй Шан.* Буддизм и национализм во Внутренней Монголии в первой четверти XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2018. Т. 26. С. 109–118.
- Шахновский 1906 — *Шахновский И. К.* Очерк деятельности Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи в период минувшей русско-японской войны (1904–1905 гг.). СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1906. 144 с.
- David 1975 — *David A.* Voyage en Mongolie // Bulletin de la Societe de Geographie. Ser. 6. Т. IX. 1975. P. 131–177.
- Hedley 1910 — *Hedley J.* Tramps in dark Mongolia. London; Leipsic: T. Fisher Unwin, 1910. XII+371 p.
- Pereira 1911 — *Pereira G.* A journey across the Ordos // The Geographical Journal. 1911. Vol. 37. No. 3. P. 260–264.
- Tsai 1983 — *Tsai Sheng-luen.* Chinese settlement of Mongolian lands: Manchu policy in Inner Mongolia (A case study of Chinese migration in Jerim League). Ph. D. Thes. Provo: Brigham Young University, 1983. VI+173 p.

References

- Altantsetseg N. 'Inner Mongolia': Mid-19th – Early 20th Centuries. Ch. Dalai (ed.). Ulaanbaatar: Institute of Oriental Studies (Mongolian Academy of Sciences), 1981. 61 p. (In Russ.)
- Batsaikhan O. 8th Bogdo Jebtsundamba Khutukhtu: The Last Great Khan of Mongolia. Life and Legends. N. Bayar (transl.). Moscow: KMK, 2018. 406 p. (In Russ.)
- Belov E. A. (ed.) Russia and Tibet: Collected Russian Archival Documents, 1900–1914. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 231 p. (In Russ.)
- Belov E. A. Russia and Mongolia: 1911–1919. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1999. 239 p. (In Russ.)
- Belov E. A. The 1912 Anti-Chinese Rebellion of Prince Uday in Inner Mongolia. *Oriens*. 1996. No. 3. Pp 39–45. (In Russ.)
- Bichurin N. Ya. Notes on Mongolia Written by Ven. Hyacinth. Vol. I. St. Petersburg: K. Kray, 1828. XII+339 p. (In Russ.)
- Boloban A. Northeastern Mongolia and Its Crops. *Vestnik Azii*. 1910. No. 5. Pp. 68–94. (In Russ.)
- David A. Voyage en Mongolie. *Bulletin de la Societe de Geographie*. Ser. 6. 1975. Vol. IX. Pp. 131–177. (In Fr.)

- Davidov D. A. Colonization of Manchuria and Northeastern Mongolia: Tao-Nang-Fu Province. Vladivostok: Eastern Institute, 1911. VIII+185 p. (In Russ.)
- Dudin P. N. The Political History of Mengjiang. Ulan-Ude: Buryat State University, 2014. 300 p. (In Russ.)
- Fritsche [G. A.]. Voyages across Mongolia. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. 1873. Vol. 9. Part 2. Pp. 255–259. (In Russ.)
- Froze B. Eastern Mongolia and its colonization. *Vestnik Azii*. 1911. No. 10. Pp. 90–136. (In Russ.)
- G. P. Our trade interests in Mongolia. *Vestnik Azii*. 1909. No. 1. Pp. 122–135. (In Russ.)
- Guryev B. Territorial inviolability of Mongolia according to a Statute of the Lifan Yuan. *Vestnik Azii*. 1910. No. 6. Pp. 6–13. (In Russ.)
- Hedley J. Tramps in Dark Mongolia. London; Leipzig: T. Fisher Unwin, 1910. XII+371 p. (In Engl.)
- Korostovets I. Ya. From Genghis Khan to the Soviets: A Brief History of Mongolia with Special Account of Modern Times. Ulaanbaatar: Emgent, 2004. 560 p. (In Russ.)
- Kuras L. V. Inner Mongolia as part of the Empire of the Great Qing. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series 'History'*. 2016. Vol. 15. Pp. 126–136. (In Russ.)
- Kuzmin S. L. Guerillas of Inner Mongolia after the death of their leader Babujab in 1916. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 40. No. 6. Pp. 2–14. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-2-14
- Kuzmin S. L. Theocratic Statehood and Buddhist Church in Mongolia: Early 20th Century. Moscow: KMK, 2016. 496 p. (In Russ.)
- Kuzmin S. L., Batsaikhan O. On the decree of the Hong Taiji (Abahai) Emperor on the restoration of independence of the Mongols after the fall of the Qing Dynasty. *Oriens*. 2019. No. 5. Pp. 200–217. (In Russ.)
- Kuzmin Yu. V. Irkutsk archival materials on the activity of Japan intelligence in Mongolia and Manchuria at the beginning of the 20th c. In: *Siberia in Wars of the Early 20th Century. Forum Proceedings* (Krasnoyarsk; December 3–6, 2013). Krasnoyarsk: Rezonans, 2014. Pp. 28–31. (In Russ.)
- Landesen A. von. Latest data for cultural and economic description of Manchurian and Mongolian cities. *Vestnik Azii*. 1909. No. 2. Pp. 152–164. (In Russ.)
- Mazhinsky S. V. Socioeconomic and Political Development of Inner Mongolia in the Context of China's Modernization: 1911–1976. Cand. Sc. (history) thesis. Tomsk, 2014. 214 p. (In Russ.)
- Morozov I. M. The scale of Mongolian economy and prospects of Russian-Mongolian trade. In: *Moscow Trade Expedition to Mongolia*. Moscow: P. Ryabushinsky, 1912. Pp. 280–291. (In Russ.)
- [Moskvitin F. S.] Notes on Mongolia. *Turkestanskiy sbornik*. 1908. Vol. 470. Pp. 115–117. (In Russ.)
- Palibin I. V. Preliminary Report on the trip to the Eastern Mongolia and wall-mounted China. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. 1901. Vol. 37. Geographic News. Pp. 1–58. (In Russ.)
- Pereira G. A Journey Across the Ordos. *The Geographical Journal*. 1911. Vol. 37. No. 3. Pp. 260–264. (In Eng.)
- Pochekaev R. Yu. Legal realities of Mongolia in 18th — first half of 19th c. as seen by Russian travelers (attempt of analysis from legal anthropology point of view). *RUDN Journal of Law*. 2019. Vol. 23. No. 4. Pp. 602–621. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. Traditional law of Mongolia under the power of Qing Empire as it described by Russian travelers of the end of the 19th – beginning of the 20th cc. *Siberian Law Herald*. 2017. No. 3. Pp. 14–21. (In Russ.)
- Polumordvinov M. Historical note. *Vestnik Azii*. 1912. No. 11–12. Pp. 1–20 + I–IV. (In Russ.)
- Potanina A. V. Across Eastern Siberia, Mongolia, Tibet and China: Excerpts from Travel Notes. Moscow: E. Herbeck, 1895. XLII+296 p. (In Russ.)
- Roborovsky V. I. Travels to the Eastern Tian Shan and Nan Shan. Transactions of the Expedition by Russian Geographic Society across Central Asia, 1893–1895. B. Yusov (ed.). Moscow: OGIZ, 1949. 402 p. (In Russ.)
- Sergeev E. Yu. Struggling against Japan: Military Intelligence of Russia, 1904–1905. Moscow: KMK, 2010. 219 p. (In Russ.)
- Shakhnovsky I. K. Trans-Amur Circuit, Independent Corps of Frontier Guards: An Essay on Its Activities during the Recent Russo-Japanese War of 1904–1905. St. Petersburg: Energiya, 1906. 144. p. (In Russ.)
- Sizova A. A. Consular Service of Russia in Mongolia: 1861–1917. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 2015. 295 p. (In Russ.)

- Tretyak I. A. Diary of Travels around Khingan: Results of 1908 and 1909 Missions. Khabarovsk: Chancellery of Amur Governor-General, 1912. 175 p. (In Russ.)
- Tsai Sheng-luen. Chinese Settlement of Mongolian Lands: Manchu Policy in Inner Mongolia (A Case Study of Chinese Migration in Jerim League). PhD thesis. Provo: Brigham Young University, 1983. VI+173 p. (In Eng.)
- Tsybenov B. D., Yui Shan. The Buddhism and nationalism in Inner Mongolia in the first quarter of the XX Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series 'History'*. 2018. Vol. 26. Pp. 109-118. (In Russ.)
- Vasilyev V. P. Extracts from the Beijing diary. *Russkiy vestnik*. 1857. Vol. 9. Pp. 145–200. (In Russ.)
- Vinogradov [M. N.] Description of the way from Hailar City to Kalgan City passed during the summer and autumn of 1906. In: *Collected Geographic, Topographic and Statistical Materials on Asia*. Vol. 82. St. Petersburg: Military Press, 1909. Pp. 151–184. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Zh. [Trip to Southern Mongolia in 1909–1910. *Izvestiya Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii v istoricheskoy, arkheologicheskoy, lingvisticheskoy i etnograficheskoy otnosheniyakh*. Series 2. 1913. No. 2. Pp. 44–53. (In Russ.)
- Zlatkin I. Essays on Modern and Contemporary History of Mongolia. Moscow: Publ. House of Oriental Literature, 1957. 300 p. (In Russ.)

